

МАРК ВЕЙНАР

ПОКА ТЫ МЕНЯ ПОМНИШЬ

роман

Любовь не даёт права владеть чужой памятью

Марк Вейнар

Пока ты меня помнишь

«Автор»

2026

Вейнар М.

Пока ты меня помнишь / М. Вейнар — «Автор», 2026

В Лиоре за нарушение клятв люди расплачиваются воспоминаниями. Хранительница Архива Мира Эйвен вынуждена объединиться с Каем Арденом — преступником, которого считает виновным в исчезновении сестры. Чем ближе они к разгадке, тем сильнее становится их чувство и страшнее выбор: чтобы спасти город, одному из них придётся пожертвовать не жизнью, а памятью об их любви.

© Вейнар М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Стекло трескается	5
Глава 1. День Обновления	5
Глава 2. Бесклятвенный	12
Глава 3. Цена расстояния	18
Глава 4. Договор без обещаний	29
Глава 5. Дом без имён	35
Глава 6. Голос в тумане	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марк Вейнар

Пока ты меня помнишь

Часть I. Стекло трескается

Глава 1. День Обновления

В день Обновления Мира Эйвен нашла в архиве память женщины, которая никогда не давала соответствующей клятвы.

Она перечитала запись трижды.

Чёрное стекло лежало перед ней на покрытом серым бархатом столе. Тонкая прямоугольная пластина, не больше ладони, выглядела целой. По её краям ровно мерцали регистрационные знаки. Имя нарушительницы, дата, свидетель, содержание обязательства — всё находилось на своих местах.

Элла Рейн. Обязательство по поставке. Срок — девятнадцатый день месяца Дождей. Нарушение подтверждено. Цена извлечена.

Ниже значилось воспоминание, переданное Архиву:

Первое утро с новорождённой дочерью.

Мира провела пальцем над строкой, не касаясь стекла.

В Главном хранилище прикосновения без перчаток запрещались. Особенно сегодня, когда тысячи пластин извлекли из ячеек для ежегодного взвешивания. Одно неловкое движение — и чужое детство могло оказаться в голове архивиста, а собственное имя внутри стекла.

За её спиной мягко гудели подъёмные механизмы. По круглому залу двигались служители в белых перчатках, переносили ящики и устанавливали пластины на бронзовые весы. С верхних галерей спускался свет газовых люстр, отражаясь в чёрных поверхностях. Издалека казалось, будто под высоким куполом раскрыли тысячи неподвижных глаз.

Мира снова посмотрела на регистрационный номер.

Поставка шерсти для королевских мастерских. Двести сорок рулонов. Стоимость обязательства — восемьсот марок.

Даже если Элла Рейн действительно нарушила договор, Архив не должен был забирать воспоминание такой силы. За коммерческую клятву полагалась потеря нескольких часов, иногда профессионального навыка. Но не ребёнка.

Мира открыла сопроводительную книгу.

В графе свидетеля стояло имя чиновника, умершего за два месяца до заключения договора.

Она подняла голову.

За соседним столом молодой хранитель проверял пластины брачных клятв. На его лбу блестел пот, хотя в зале было холодно. Чуть дальше две женщины спорили шёпотом из-за несовпадения веса. Никто не смотрел в её сторону.

Мира достала из внутреннего кармана тонкий лист и переписала номер.

— Старшая хранительница Эйвен.

Голос Исары Пелл никогда не звучал громко, но окружающие всё равно замолчали.

Первая хранительница спускалась по центральной лестнице. Серебристая форма сидела на ней без единой складки. Белые волосы были собраны на затылке так туго, словно даже им не позволялось отклоняться от установленного порядка.

Мира закрыла книгу.

— Госпожа Пелл.

— Проверка третьего сектора завершена?

— Почти.

Исара подошла к столу и посмотрела на пластину.

Она не наклонилась, не спросила номер и не сверилась с книгой. Только задержала взгляд на строке о новорождённой девочке.

Этого хватило.

— Запись ошибочна, — сказала Мира.

— В день Обновления мы обнаруживаем сотни расхождений.

— Свидетель умер до заключения клятвы.

— Значит, имя внесли неправильно.

— Цена несоразмерна.

— Тогда неправильно определили категорию воспоминания.

— Или Элла Рейн ничего не нарушала.

Исара посмотрела на неё.

За четырнадцать лет Мира научилась различать оттенки её молчания. Одно означало раздражение. Другое — усталость. Третье появлялось перед тем, как Исара собиралась сказать нечто, что считала заботой, но что обычно оказывалось приказом.

Сейчас было третье.

— Через полчаса в зал войдёт королева, — произнесла она. — До этого времени пластины должны находиться на весах. Не в руках следователей, не в ваших личных записях и не в очередном докладе о несовершенстве системы.

— Несовершенство системы и поддельная клятва — разные вещи.

— Система состоит из людей. Люди совершают ошибки.

— Люди также совершают преступления.

Исара взяла пластину двумя пальцами и положила её в ящик для повторной проверки.

— После церемонии.

— В прошлом году вы сказали то же самое о девяти записях.

— И каждая была проверена.

— Я не видела заключений.

— Потому что они не относились к вашим обязанностям.

Мира почувствовала, как под манжетой кольнул старый шрам.

Небольшая боль возникала всякий раз, когда она была близка к нарушению служебной клятвы. Обычно достаточно было остановиться, выдохнуть и вспомнить точные слова обязательства.

Хранить тайны Архива. Подчиняться Первой хранительнице. Не присваивать доверенную память.

Она ничего не присваивала.

Пока.

— Элла Рейн жива? — спросила Мира.

Исара едва заметно сжала губы.

— После церемонии.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который вы получите сейчас.

Она закрыла ящик и поставила на крышку ладонь.

Мира могла продолжить спор. Могла потребовать официальную отметку. Могла обратиться к Дориану, который наверняка уже находился во дворце и проверял маршруты королевской охраны.

Вместо этого она кивнула.

— Разумеется.

Исара задержала на ней взгляд ещё на мгновение.

Мира умела лгать наставнице только потому, что та была уверена: Мира никогда этого не делает.

Когда Исара отошла, Мира незаметно провела медной скобой по нижнему краю стола. Маленькая крышка открылась. Внутри находилась пустая ячейка, которую она обнаружила семь лет назад и с тех пор использовала для документов, не предназначенных для официального внимания.

Она переложил туда лист с номером пластины.

В другом конце зала ударил колокол.

Один раз.

Служители замерли.

Второй удар заставил их отойти от столов и выстроиться вдоль стен. Над центральным колодцем медленно разошлись металлические створки. Из глубины поднялась круглая платформа, на которой стоял самый древний предмет Лиора.

Первая клятва.

Она не была похожа на остальные пластины. Чёрное стекло образовывало кольцо человеческого роста, испещрённое серебряными линиями. Внутри кольца не отражался зал. Там клубился белый свет, напоминавший туман за городскими стенами.

Мира видела реликвию каждый год.

И каждый раз думала о Лее.

Младшая сестра презирала церемонию Обновления. В детстве она утверждала, что Первая клятва похожа на рот, который город держит открытым, ожидая, когда люди начнут кормить его воспоминаниями.

Мира называла это глупостью.

Лея отвечала, что старшие сёстры всегда называют глупостью то, чего не могут запретить.

Четыре года назад её имя исчезло из всех официальных книг.

Не было суда. Не было записи о смерти. Не было даже документа о розыске, пока Мира сама не вынудила Дориана открыть дело.

Осталась одна строчка:

Лея Эйвен. Государственная клятва нарушена. Цена не извлечена. Местонахождение носителя неизвестно.

И имя человека, которого видели рядом с ней последним.

Кай Арден.

Третий удар колокола вернул Миру в зал.

На верхней галерее открылись высокие двери. Королева Серин вошла без короны, в простом чёрном платье. За ней следовали Дориан Вейл, шестеро гвардейцев и несколько представителей старых семей.

Дориан нашёл Миру взглядом почти сразу.

Он выглядел уставшим. Тёмная форма следователя была застёгнута до самого горла, на левом плече серебрился знак королевского дознания. Он едва заметно качнул головой.

Не сегодня.

Мира ответила таким же коротким движением.

Именно сегодня.

Королева спустилась к кольцу Первой клятвы. Исара встретила её у нижней ступени и склонила голову.

— Всё готово, ваше величество.

— Потери за год?

— В пределах расчётного значения.

— Прорывы?

— Три малых проникновения на востоке. Все устранены.

— Память возвращена пострадавшим?

Пауза длилась меньше секунды.

— В той мере, в которой это оказалось возможным.

Серин посмотрела на неё, но не стала уточнять.

Мира видела королеву близко всего несколько раз. Серин не производила впечатления женщины, которая нуждается в церемониях. В её лице не было ни торжественности, ни гордости. Только усталое внимание человека, который каждый день ждёт новой катастрофы и редко ошибается.

Исара подняла руку.

Служители одновременно опустили рычаги.

Тысячи пластин легли на весы.

По залу прошёл низкий звук. Не звон и не гул — скорее общий выдох множества людей, которым одновременно приснился один и тот же сон.

Серебряные линии внутри Первой клятвы вспыхнули.

Мира почувствовала знакомое давление за глазами.

В такие моменты Архив взвешивал накопленную память и перераспределял её между защитными контурами города. Хранители называли это Обновлением. Лея называла кормлением.

Белый свет внутри кольца дрогнул.

Обычно он разгорался постепенно, заполняя стекло от основания к вершине.

Сегодня туман поднялся сразу.

Кто-то рядом резко вдохнул.

Серебряные линии потемнели.

— Госпожа Пелл, — произнёс Дориан.

Исара уже шла к управляющей панели.

— Не прерывать церемонию.

— Значение превышено вдвое, — сказал один из хранителей.

— Не прерывать.

Весы закачались.

Пластины начали вибрировать. Сначала едва заметно, потом сильнее. Из нескольких ящиков донёсся тонкий треск.

Мира посмотрела на закрытый ящик с делом Эллы Рейн.

Крышка приподнималась при каждом толчке.

— Остановите взвешивание, — сказала она.

Исара обернулась:

— Старшая хранительница, занять место у третьего контура.

— Память поступает не в защиту.

— Выполняйте приказ.

— Тогда куда она поступает?

Первой погасла люстра над северной галереей.

Следом — вторая.

Тёмная волна прошла по залу, оставляя горящим только кольцо. Белый туман внутри него прижался к стеклу с другой стороны, словно там находилось не облако, а живое существо.

Дориан вытащил оружие.

— Закрывать двери.

Гвардейцы не успели.

С верхней галереи упал человек.

Он ударился о край лестницы и остался лежать между ступенями. Белая форма служителя быстро темнела на груди.

Кто-то закричал.

Из боковых проходов появились фигуры в серых масках. Ни знаков старых семей, ни формы подпольных районов. В руках они держали короткие металлические стержни, покрытые белым инеем.

Один из нападавших ударил стержнем по перилам.

Камень забыл, что должен быть твёрдым.

Балюстра рассыпалась мягкой серой пылью.

— К внутреннему кругу! — крикнул Дориан.

Началась давка.

Хранители бросились к центральной платформе, гвардейцы пытались подняться на галерею. Кто-то опрокинул ящик. Десятки пластин разлетелись по полу.

Зал наполнился чужими голосами.

Женщина смеялась у моря.

Мальчик просил не гасить свет.

Старик повторял имя, которое с каждым разом звучало всё менее отчётливо.

Мира натянула защитные перчатки и схватила ящик Эллы Рейн. Память женщины могла стать доказательством, если они переживут следующие несколько минут.

— Эйвен!

Дориан пробивался к ней, но между ними рухнула часть галереи.

Мира отступила к Первой клятве.

Один из людей в масках спрыгнул на платформу. Он поднял стержень, намереваясь ударить по кольцу.

Мира бросила в него ящик.

Угол попал нападавшему в висок. Тот пошатнулся. Пластины посыпались на пол, и в воздухе возник резкий запах молока, дождя и детской кожи.

Чужое воспоминание коснулось Мира.

На одно мгновение она увидела крошечное лицо спящей девочки. Почувствовала тяжесть младенца на руках. Услышала собственный — не собственный — шёпот:

Я всегда буду помнить тебя.

Затем память оборвалась.

Нападавший поднялся.

Мира потянулась к упавшему оружию гвардейца, но не успела.

Чья-то рука схватила её за ворот и резко потянула вниз.

Белый стержень прошёл над головой.

— Лежать, хранительница.

Она узнала голос раньше, чем увидела лицо.

В розыскных изображениях Кай Арден всегда смотрел прямо перед собой. Тёмные волосы, впалые щёки, белая прядь у правого виска. На старой служебной записи он был гладко выбрит и носил форму исполнителя. На более поздних рисунках свидетели добавляли шрамы, ножи и выражение безумия.

В действительности он выглядел просто уставшим.

Кай ударил нападавшего локтем под подбородок, перехватил его запястье и развернул металлический стержень. Белый иней коснулся маски. Лицо под ней словно потеряло форму. Человек вскрикнул и упал, обеими руками ощупывая собственные черты.

Кай отбросил оружие.

Мира вытащила из рукава короткий архивный клинок и приставила к его боку.

— Не двигайтесь.

Он посмотрел на лезвие.
— Вы выбрали крайне неудачный момент.
— Руки за спину.
— Через несколько секунд здесь не останется пола.
— Руки.
Кай поднял взгляд на Первую клятву.
Мира тоже посмотрела.
По кольцу шла трещина.
Тонкая, почти красивая серебристая линия возникла у основания и быстро поднималась вверх. Белый туман бился внутри стекла.
— Отойдите, — сказал Кай.
— Вы арестованы за государственную измену, убийство и—
— Можете добавить плохие манеры. Но сначала отойдите.
Он схватил её за запястье.
Шрам под манжетой вспыхнул такой болью, что Мира на мгновение потеряла дыхание.
— Отпустите.
— Уже поздно.
Кольцо раскололось.
Звuka не было.
Мира ожидала взрыва, грохота, криков. Вместо этого весь зал погрузился в абсолютную тишину.
Осколок чёрного стекла медленно повернулся в воздухе между ней и Каем.
На его поверхности проступили слова.
Пока не будет названа правда, двое понесут память друг друга.
Осколок разломился надвое.
Одна половина вошла в ладонь Миры.
Вторая — в ладонь Кая.
Тишина закончилась.
Воздух ударил по залу. Миру отбросило к основанию кольца. Кай упал рядом, но почти сразу поднялся на колени и закрыл её собой от потока стеклянных обломков.
Сверху рушилась галерея.
Кай схватил Миру за плечи.
— Вставайте.
— Уберите руки.
— Через мгновение.
— Я сказала—
Каменная плита упала туда, где только что находилась её голова.
Кай поднял Миру и почти протащил через дым к боковому проходу. Она сопротивлялась ровно до тех пор, пока не увидела, как центральная платформа исчезает под обломками.
У выхода их встретили гвардейцы.
— На землю! — крикнул Дориан.
Кай остановился.
Мира вырвала руку и отступила от него.
На три шага.
Сначала ничего не произошло.
На четвёртом она почувствовала, что забыла, почему ненавидит человека перед собой.
На пятом исчез год.
Не весь — только тот, в котором Лея коротко постриглась и начала работать в нижних лабораториях.

На шестом Мира попыталась вспомнить лицо сестры.

Глаза — серые. Или карие.

Волосы — светлее её собственных. Наверное.

У Леи была ямочка на левой щеке.

Или на правой.

Мира замерла.

Вокруг кричали люди. Гвардейцы прижимали Кая к полу. Дориан что-то спрашивал, держа её за плечо.

Она не слышала слов.

Лицо Леи исчезало.

Мира шагнула вперёд.

Ещё раз.

И ещё.

Когда между ней и Каем осталось меньше двух шагов, воспоминание вернулось разом: светлые волосы, серые глаза, ямочка справа, привычка грызть внутреннюю сторону щеки, когда она лгала.

Мира опустилась на колено рядом с задержанным.

Дориан посмотрел на неё так, словно обрушение Архива было только второй по серьёзности проблемой этого утра.

— Что вы делаете?

Мира не ответила.

Кай лежал лицом к камню. Руки ему заломили за спину, но он всё равно повернул голову и посмотрел на неё.

На его губе была кровь.

— Теперь понимаете? — тихо спросил он.

— Что именно?

— Почему вам придётся оставить меня рядом.

— Я найду другой способ.

— Несомненно.

Гвардеец поднял его на ноги.

Мира тоже встала.

— Разведите их, — приказал Дориан. — Его в нижнюю камеру. Эйвен — к врачам.

— Нет, — сказала Мира.

Дориан нахмурился:

— Вы ранены.

— Он останется в пределах трёх шагов.

— Мира.

Она впервые за много лет услышала от него своё имя во время службы.

— Отойдя от него, я теряю память о Лее.

Лицо Дориана изменилось.

Кай вытер кровь плечом.

— А я, — произнёс он, — начинаю забывать человека, которого поклялся ей никогда не называть.

Мира посмотрела на него.

Но Кай уже отвернулся.

Глава 2. Бесклятвенный

Кай вошёл в Архив через три минуты после первого взрыва.

Этого было достаточно, чтобы понять: нападение организовали не его люди.

Они никогда не использовали белые стержни. Такое оружие не разрушало предмет — оно стирало одно из его свойств. Камень забывал твёрдость, металл — форму, человеческое тело — собственные границы.

Для изготовления одного стержня требовалась память не меньше чем о десяти годах жизни.

Подполье не могло позволить себе такую цену.

А королевская власть — могла.

Кай спрыгнул с верхнего перехода и укрылся за опрокинутым стеллажом. Вокруг него трескалось чёрное стекло. Из повреждённых пластин вырывались чужие воспоминания: детский плач, запах хлеба, зимний ветер, мужской голос, обещающий вернуться.

Человек в серой маске прошёл совсем рядом.

Кай схватил его сзади и прижал клинок к шее.

— Кто вас послал?

Нападавший рассмеялся.

— Ты опоздал, Арден.

На внутренней стороне его запястья не было клятвенной метки.

Ни одной.

Даже люди без имени сохраняли следы прежних обещаний. Отсутствие меток означало, что память этого человека полностью очищали — либо кто-то научился скрывать её от стекла.

— Что вам нужно?

— То же, что и тебе.

Нападавший резко ударил затылком. Кай уклонился, но хватка ослабла. Мужчина вырвался и вскинул белый стержень.

Кай перехватил его руку.

Иней пополз по рукаву плаща. Ткань стала прозрачной, затем исчезла, забыв, что когда-то была соткана.

Кай развернул противника и прижал стержень к его маске.

Крик утонул в грохоте обрушившейся галереи.

Человек упал, беспорядочно ощупывая лицо. Его черты не исчезли, но он больше не понимал, где заканчиваются губы и начинаются щёки.

Кай поднял белый стержень.

Оружие отозвалось десятками голосов.

Он бросил его на пол.

Реликвия стояла в центре зала. Первая клятва светилась так ярко, что вокруг неё почти не оставалось теней. Белый туман бился внутри кольца, будто пытался вырваться наружу.

У основания стекла Кай увидел небольшую тёмную пластину.

Осколок исходной записи.

Он пришёл именно за ним.

Четыре года Кай искал подтверждение слов Леи. Четыре года пытался добраться до первоначального текста закона, на котором держался Лиор. И теперь нужная часть лежала в нескольких шагах от него.

Рядом с ней стояла женщина в серебристой форме.

Мира Эйвен.

Она держала перед собой архивный клинок и пыталась остановить человека в маске. Её движения были точными, но слишком правильными. Она защищалась так, как учили хранителей, никогда не сталкивавшихся с противником, который не соблюдает правил.

Нападавший поднял белый стержень.

Кай мог забрать осколок.

До него оставалось три шага.

Мира бросила в противника ящик с пластинами. Чёрное стекло разбилось, и зал наполнился чужой памятью.

Нападавший пошатнулся, но не упал.

Кай выругался и рванулся к ней.

Он успел отдёрнуть Миру за мгновение до удара.

— Лежать, хранительница.

Она не поблагодарила.

Разумеется.

Пока Кай обезвреживал противника, Мира уже приставила клинок к его боку.

— Не двигайтесь.

Он посмотрел на неё внимательнее.

Лея говорила, что старшая сестра способна встретить конец света и первым делом потребовать правильно оформить документы.

Воспоминание отозвалось болью под рёбрами.

На коже вспыхнула клятвенная метка.

Мысль оборвалась прежде, чем Кай позволил ей приблизиться к тому, что запрещалось называть.

— Руки за спину, — приказала Мира.

В треснувшем стекле Первой клятвы появился белый разлом.

Кай понял, что происходит.

— Отойдите.

— Вы арестованы.

— Это можно обсудить после того, как перестанет рушиться потолок.

Мира продолжала перечислять обвинения.

Даже теперь.

Кай схватил её за запястье. Под манжетой ощутил выпуклый шрам нарушенной клятвы.

Она дёрнулась так резко, будто он коснулся открытой раны.

Кольцо раскололось.

Осколок исходной записи поднялся в воздух. Кай потянулся к нему, но стекло само разделилось надвое.

Одна часть вошла в ладонь Миры.

Вторая — в его собственную.

Боль была короткой и холодной.

Перед глазами вспыхнула чужая память.

Две девочки сидели под столом. Старшая держала младшую за руку, пока за дверью их мать спрашивала незнакомых людей, кто эти дети и почему они называют её мамой.

Кай увидел лицо Леи.

Совсем юное.

Потом память исчезла.

Он пришёл в себя под падающей галереей.

Мира лежала рядом. Кай закрыл её собой, чувствуя, как каменные осколки ударяют по спине. Один разрезал кожу у лопатки. Другой задел висок.

Он поднялся и потащил хранительницу к проходу.

— Уберите руки.

— Через мгновение.

— Я сказала—

Плита расколола пол позади них.

Мира замолчала.

Не от страха. Она просто поняла, что спор сейчас не изменит направления падающего камня.

Они добрались до нижнего коридора. Здесь находились раненые служители. Молодой архивист пытался поднять придавленную балку, под которой лежала женщина.

— Помогите, — сказал он.

Кай посмотрел на выход.

До него оставалось меньше двадцати шагов.

В руке находился осколок, за которым он пришёл.

Через минуту сюда войдёт королевская стража.

Мира опустила руку возле балки.

— Уходите, — сказал Кай.

— Она жива.

— Пока.

— Тогда поднимайте.

Архивист всхлипнул:

— Госпожа Эйвен, там стекло. Если балка сдвинется—

— Я вижу.

Под женщиной лежала разбитая пластина. Из неё вытекала память о зимнем доме: деревянные стены, огонь в печи, руки мужчины, застёгивающего на ребёнке пальто.

Если они сдвинут балку, осколок войдёт женщине в спину.

Кай опустился рядом.

— Держите вес, — сказал он Мире.

— Я знаю.

— Судя по положению ваших рук, нет.

Она взглянула на него с такой холодной яростью, что в другой ситуации он мог бы рассмеяться.

Вместе они приподняли балку. Молодой архивист вытащил женщину, но поскользнулся на стекле.

Кай успел перехватить его за ворот.

Осколок коснулся ладони юноши.

Тот закричал.

— Что вы видите? — быстро спросила Мира.

— Снег... дом... отец...

— Это не ваше. Смотрите на меня.

Архивист не реагировал.

Мира сняла одну перчатку и прижала голую ладонь к его руке.

— Не делайте этого, — сказал Кай.

Она уже приняла чужое воспоминание на себя.

Её лицо изменилось. На мгновение она смотрела не на разрушенный Архив, а на человека у печи, существовавшего десятки лет назад.

— Ваше имя? — спросила она архивиста.

— Эрен.

— Где вы находитесь?

— В Главном хранилище.

— Кто я?

— Старшая хранительница Эйвен.

— Хорошо. Держитесь за собственное имя.

Эрен задышал ровнее.

Кай смотрел на Миру.

Человек, преданный системе, не стал бы рисковать собственной памятью ради младшего служителя.

Или Лея была права: её сестра умела видеть отдельного человека, пока не начинала решать, как ему следует жить.

С верхнего этажа донеслись шаги.

— Теперь уходим, — сказал Кай.

Они подняли раненую женщину. Эрен шёл рядом, повторяя своё имя.

У выхода Мира остановилась.

За разбитой колонной лежал тот самый ящик, которым она ударила нападавшего.

— Нет, — сказал Кай.

— Там находится доказательство.

— Там находится десяток повреждённых воспоминаний.

— Одно из них украдено у невиновной женщины.

— И вы намерены погибнуть рядом с ним из принципа?

— Я намерена забрать его.

Мира передала раненую Эрену и вернулась в зал.

Кай мог уйти.

Коридор был открыт. Стража приближалась с другой стороны. Достаточно сделать несколько шагов, спуститься в техническую шахту и исчезнуть.

Он двинулся к выходу.

На четвёртом шаге в его памяти образовалась пустота.

Кай забыл, кто научил его завязывать морские узлы.

На пятом исчез голос человека, который когда-то назвал его трусом за отказ от обещания.

На шестом он понял, что забывает её.

Не имя — клятва не позволяла удерживать его даже в мыслях.

Но присутствие.

Светлые волосы над раскрытой книгой. Чернила на пальцах. Раздражённый голос, требующий не относиться к ней как к ребёнку.

Кай резко остановился.

Связь.

Осколок не просто соединил их память. Он выбрал то, что каждый из них боялся потерять сильнее всего.

Для Миры — сестру.

Для него — человека, которого он поклялся не называть.

Кай вернулся.

Мира стояла на коленях среди стекла и собирала осколки в ткань.

— Я начинаю понимать, почему вас так трудно спасать, — сказал он.

— Я не просила меня спасать.

— Именно это и создаёт основную сложность.

Он поднял ящик.

Мира посмотрела на него, но спорить не стала.

Они вышли в коридор вместе.

Стража появилась с обеих сторон.

Впереди стоял Дориан Вейл. Серебряный пистолет был направлен Каю в грудь.

Позади перекрыли технический выход.
Двенадцать гвардейцев. Два королевских исполнителя. Белые печати на стенах, блокирующие переходы людей без имени.
Кай поставил ящик на пол.
— На колени, — приказал Дориан.
Мира отошла от него.
На четвёртом шаге её лицо побледнело.
На пятом она остановилась.
Кай почувствовал, как забытая память возвращается в его собственную голову.
Теперь он точно знал допустимое расстояние.
— Не разводите нас, — сказала Мира.
Дориан не опустил оружия.
— Он что-то сделал с вами?
— Не он.
— Мира, отойдите.
— Я уже отошла.
Она вернулась к Каю и встала так близко, что их рукава соприкоснулись.
Королевские исполнители переглянулись.
Один из них поднял устройство для чтения меток.
Белый свет прошёл по телу Миры, затем по телу Кая. На его груди вспыхнула старая клятва Лее.
Боль согнула его пополам.
Мира схватила его за плечо.
— Что с ним?
— Запретная государственная связь, — ответил исполнитель. — Повреждённая, но действующая.
На поверхности устройства начали проступать слова.
Первое было скрыто белым пламенем.
Второе оказалось читаемым.
Эйвен.
Дориан перевёл взгляд на Миру.
— Это имя вашей сестры?
Кай попытался выпрямиться.
Внутри него что-то рвалось, не позволяя ответить.
Мира смотрела уже не на метку.
На него.
— Вы знаете, где Лея?
Кай мог солгать.
Вернее, мог бы, если бы когда-либо давал себе такую свободу.
Он промолчал.
Боль усилилась. По подбородку потекла кровь.
Мира увидела её.
И впервые в её взгляде не было ненависти.
Только страх.
Колокол Архива ударил снова.
Из центрального зала донёсся треск, похожий на раскат грома. Белый туман просочился сквозь закрытые двери и пополз по коридору.
Кай посмотрел на него.
Нападение закончилось.

Но тот, кто его организовал, получил желаемое.
Первая клятва была открыта.
А город ещё не понимал, что начал забывать сам себя.

Глава 3. Цена расстояния

Белый туман остановился у сапог Дориана.

Он не растекался по камню, как обычный дым. Узкая полоса медленно изгибалась между обломками, обходила тела и разбитые пластины, будто выбирала дорогу.

Один из гвардейцев направил на неё клятвенный фонарь.

Свет коснулся тумана — и погас.

Гвардеец отшатнулся.

— Закрывать внутренние двери, — приказал Дориан. — Никому не касаться белой взвеси. Раненых выводить через западный двор.

Люди пришли в движение. Приказы передавались от одного отряда к другому, но в головах уже не было уверенности. Архив считался самым защищённым местом Лиора. В его стенах хранились не только официальные клятвы, но и память, питавшая городские контуры.

Сегодня кто-то вошёл сюда с оружием.

Кай Арден стоял рядом с Мирой, окружённый шестью гвардейцами. Руки ему связали за спиной серебряной цепью. На шее закрепили подавляющее кольцо, предназначенное для бывших исполнителей.

На его лице не было тревоги.

Это раздражало Миру сильнее, чем следовало.

— Отведите его в нижнюю камеру, — повторил Дориан.

— Он останется рядом со мной, — сказала она.

— Вы не отдаёте здесь распоряжений.

— Тогда считайте это профессиональным заключением.

— Вы только что сообщили, что теряете память в его отсутствие. Это не заключение. Это симптом.

— Именно поэтому разводить нас нельзя.

Дориан перевёл взгляд на Кая.

— Что вы сделали?

— Спас ей жизнь дважды.

— Я спрашиваю о связи.

— Тогда спрашивайте стекло.

Дориан шагнул ближе.

— Вы находились рядом с Первой клятвой в момент разрушения.

— Как и половина Архива.

— Половина Архива не разыскивается четыре года.

— Значит, вам повезло. Сегодня вы можете арестовать меня сразу за всё.

Мира посмотрела на Кая.

Он говорил спокойно, почти равнодушно, но на его виске выступил пот. Под воротом рубашки продолжала мерцать повреждённая метка. Каждый раз, когда кто-то произносил имя Леи, по белым линиям проходила судорога.

Кай не просто избегал ответа.

Что-то не позволяло ему ответить.

— Сначала лекарь, — решила Мира. — Потом допрос.

— Вы оба будете допрошены отдельно, — сказал Дориан.

— Нет.

— Мира.

— Я потеряла часть памяти после шести шагов. Мы не знаем, обратим ли процесс после десяти.

— Именно это и нужно установить.

Она не сразу поняла, что он говорит серьёзно.

— Вы предлагаете проверить, сколько ещё я могу забыть?

— Я предлагаю выяснить границы воздействия до того, как Арден воспользуется им против вас.

Кай тихо усмехнулся.

— Разумный подход. Особенно если старшая хранительница вам не очень дорога.

Дориан ударил его кулаком в живот.

Кай согнулся, насколько позволяла цепь.

Мира схватила Дориана за запястье прежде, чем он успел ударить снова.

— Достаточно.

Дориан посмотрел на её руку.

Мира отпустила его.

— Он задержанный, — сказала она. — Не средство проверить вашу выдержку.

— Вы его защищаете?

— Я защищаю процедуру.

— Разумеется.

В голосе Дориана прозвучало то же, что обычно звучало в голосе Исары: попытка сделать тревогу похожей на строгость.

Он отвернулся к гвардейцам.

— Оставить двоих. Остальные — к внутреннему залу. Найдите выживших нападавших.

— Один был жив, — сказал Кай. — У западной колонны.

— Его уже нашли.

— Без клятвенных меток?

Дориан снова посмотрел на него.

— Откуда вы знаете?

— Я видел его запястья.

— Во время нападения вы успели рассматривать запястья?

— Это полезнее, чем рассматривать маску.

— И что означает отсутствие меток?

Кай выпрямился.

— Либо человек никогда в жизни не давал ни одного обещания, либо кто-то вычистил его глубже, чем Архив умеет делать официально.

— Архив не очищает людей полностью, — сказала Мира.

— Разумеется.

На этот раз насмешка предназначалась ей.

— Полное извлечение разрушает личность.

— Это написано в учебниках?

— Я видела последствия.

Улыбка исчезла с его лица.

— Я тоже.

Из центрального зала вынесли первого погибшего. Белая ткань закрывала его до подбородка, но Мира узнала серебряный ворот старшего служителя. Следом появились двое лекарей с носилками. Между ними лежала женщина, которую Мира и Кай вытащили из-под балки.

Эрен шёл рядом и снова и снова произносил собственное имя.

— Эрен Соль. Младший хранитель. Третий сектор. Эрен Соль.

Когда носилки приблизились, он увидел Миру и остановился.

— Госпожа Эйвен.

— Не прекращайте повторять.

— Я помню.

— Пока повторяете — помните.

Эрен посмотрел на Кая. В его лице появилась растерянность.

— Он помог нам?

Мира могла сказать правду.

Вокруг находились Дориан, гвардейцы и десятки служителей, для которых Кай Арден был человеком, похищавшим память и стиравшим имена. Любое слово в его защиту будет записано.

— Он поднял балку, — ответила она.

Кай повернул голову.

Мира не посмотрела на него.

— Отведите Эрена к лекарям, — распорядилась она. — Проверить на чужую память и повреждение имени.

— Слушаюсь.

Молодой хранитель ушёл.

Дориан наблюдал за Мирой.

— Вы верите, что Арден не организовал нападение?

— Я верю только тому, что видела.

— Он вошёл в закрытый Архив в день церемонии.

— После первого взрыва.

— Вы уверены?

Она вспомнила падающего служителя, людей в масках, белый стержень над своей головой.

Кай появился за её спиной.

Нападение уже началось.

— Да.

— Зачем он пришёл?

Мира повернулась к задержанному.

— Хороший вопрос.

— Я заблудился, — сказал Кай.

— Плохой ответ.

— Другого пока не будет.

Дориан подозвал одного из исполнителей.

— Проверьте их руки.

Исполнитель был пожилым мужчиной с бесцветными глазами. На его форме не осталось ни пылинки, хотя вокруг рушился Архив. Он надел толстые перчатки и приблизился к Мире.

— Ладонь.

Мира разжала пальцы.

В том месте, куда вошёл осколок, не было раны. Под кожей проходила тонкая чёрная линия, похожая на занозу. Она уходила от центра ладони к запястью и соединялась со старым белым шрамом.

Исполнитель провёл над рукой серебряной иглой.

Линия вспыхнула.

Перед глазами Миры снова возникла Лея — десятилетняя, сердитая, с разбитым коленом. Она сидела на кухонном столе и отказывалась плакать, пока Мира промывала рану.

Воспоминание было таким отчётливым, что Мира почувствовала запах мыла.

Игла отделилась.

Образ исчез.

— Осколок вошёл в основной поток, — сказал исполнитель. — Извлечь механически невозможно.

— Последствия попытки?

— Разрыв цепи воспоминаний. Возможно, полная потеря личности.

— Возможно?

— Подобных повреждений Первой клятвы не происходило.

— Официально, — произнёс Кай.

Исполнитель подошёл к нему.

— Ладонь.

— Она занята.

Гвардеец поднял связанные руки Кая.

В его коже находилась такая же чёрная линия. Только у запястья она раздваивалась: одна ветвь уходила вверх по руке, вторая скрывалась под рукавом.

Исполнитель поднёс иглу.

Кай резко дёрнулся.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что вы не знаете, какую связь заденете.

— А вы знаете?

Кай ничего не ответил.

Игла опустилась ближе.

Чёрная линия в ладони вспыхнула. Одновременно под рубашкой загорелась метка Леи.

Кай закрыл глаза.

Мира заметила, как изменилось его дыхание.

Не от боли.

Он пытался что-то удержать.

— Прекратите, — сказала она.

Исполнитель посмотрел на Дориана.

Тот кивнул.

Иглу убрали.

Кай открыл глаза не сразу.

— Что вы забыли? — спросила Мира.

— Ничего важного.

— Значит, что-то забыли.

— Возможно, теперь я не помню, почему не люблю допросы.

— Вы знаете, какая память исчезает первой при увеличении расстояния.

Он посмотрел на неё.

Мира продолжила:

— Когда меня отвели, вы не удивились. Сразу сказали, что мне придётся оставить вас рядом.

— Связь выбрала наши якоря.

— Откуда вы это знаете?

— Потому что у вас есть лицо человека, которое вы боитесь забыть.

— А у вас?

— Тоже есть страх.

— Это не ответ.

— Зато честный.

Дориан устало провёл рукой по лицу.

— Перевести обоих в западный следственный корпус. Ардена держать в цепях. Эйвен — под наблюдением лекаря.

— Я не задержана, — сказала Мира.

— Пока нет.

— Тогда я вернусь в свой кабинет.

— Главное хранилище закрыто.

— Там осталось дело Эллы Рейн.

Исара появилась в дверях коридора так тихо, что Мира не заметила её приближения.

— Дело передано в защищённый сектор.

На серебристой форме Первой хранильницы была кровь. Не её собственная: пятно начиналось у плеча и тянулось до локтя, как след чужой ладони.

— Элла Рейн жива? — спросила Мира.

— Сейчас это не имеет значения.

— Для неё имеет.

— Погибли одиннадцать служителей. Ещё тридцать два ранены. Первая клятва раскола, защитный контур нестабилен, преступник стоит в нашем дворе. Вы действительно считаете, что сейчас следует обсуждать одну спорную пластину?

— Нападавшие пытались добраться до кольца во время передачи памяти. Незаконная пластина может быть связана с атакой.

Исара посмотрела на Кая.

— Или её подложили, чтобы вы отвлеклись.

— Кто?

— Человек, который прекрасно знает, на какую приманку вы отреагируете.

Кай склонил голову.

— Мы встречались?

— Я присутствовала на вашем первом суде.

— Тогда приношу соболезнования. Заседание было долгим.

Исара обратилась к Дориану:

— Разведите их.

— Это опасно, — сказала Мира.

— Опаснее оставить вас в непосредственной близости от человека, способного воздействовать на память.

— Связь возникла из-за осколка.

— По его словам?

— Я видела.

— Вы находились под воздействием освобождённых воспоминаний.

Мира поняла, что Исара уже приняла решение.

— Проведите измерение, — сказала наставница. — Определите безопасную дистанцию. Затем разместите их в отдельных помещениях.

— Вы готовы рискнуть моей памятью ради проверки?

На лице Исары что-то дрогнуло.

— Я готова рискнуть несколькими минутами вашей памяти, чтобы не отдать вас Ардену целиком.

— Вы не отдаёте меня. Я остаюсь рядом с задержанным до устранения связи.

— Именно этого он мог добиваться.

Кай посмотрел на Миру.

— Она всегда такая?

— Кто?

— Женщина, которая считает заботу достаточным основанием не слушать вас.

Исара побледнела.

Мира почувствовала раздражение — прежде всего потому, что он попал слишком точно.

— Отведите нас, — сказала она Дориану. — Проведём измерение.

Западный двор очистили от посторонних. На камне мелом начертили круги с промежутком в один шаг. Кая поставили в центре. Серебряную цепь закрепили на железном кольце в стене.

Мира встала напротив него.

Лекарь закрепил у неё на висках тонкие стеклянные датчики.

— Я буду задавать вопросы, — сказал Дориан. — Отвечайте сразу. При первых признаках потери памяти возвращаетесь к центру.

— Я сама определю момент.

— Именно поэтому рядом будет лекарь.

Мира не стала спорить.

Она сделала первый шаг назад.

Ничего.

Второй.

Кай стоял неподвижно. Цепь между его запястьями едва слышно звенела.

Третий шаг.

В ладони появилось ощущение холода.

— Имя вашей сестры? — спросил Дориан.

— Лея Эйвен.

— Возраст?

— Двадцать восемь.

Четвёртый шаг.

Мира вспомнила Лею в день поступления в лабораторию. Светлые волосы были собраны в небрежный узел, на щеке осталась чернильная полоса. Она смеялась и говорила, что теперь станет единственным человеком в семье с настоящей профессией.

Воспоминание потускнело.

— Где она работала?

— В нижних лабораториях Архива.

— Специализация?

— Магия...

Слово не пришло.

Мира знала, что Лея изучала стекло. Или туман. Возможно, старые клятвы.

— Специализация? — повторил Дориан.

— Мнемонические структуры.

Ответ вернулся с опозданием.

— Назовите последнее место, где вы видели её.

Мира открыла рот.

Комната.

Дождь за окном.

Лея стояла у двери.

Или это происходило в коридоре Архива?

— Не помню.

Дориан поднял руку.

— Назад.

— Ещё один шаг.

— Достаточно.

— Нам нужно знать границу.

— Мы её знаем.
Мира отступила на пятый круг.
Холод поднялся от ладони к плечу.
— Как выглядела Лея? — спросил Дориан.
— Светлые волосы. Серые глаза.
— Длина волос?
Мира увидела сестру с короткими волосами.
Затем с длинной косой.
Затем оба образа наложились друг на друга.
— Ниже плеч.
Кай впервые пошевелился.
— Неправильно.
Мира посмотрела на него.
— Что?
— Когда она исчезла, волосы были до подбородка.
Дориан повернулся к Каю:
— Откуда вы знаете?
— Потому что видел её.
— Когда?
Клятвенная метка вспыхнула.
Кай сжал челюсти.
Мира сделала шестой шаг.
Она хотела увидеть, что произойдёт с ним. Хотела заставить связь проявиться. Хотела получить хоть что-нибудь, что приблизит её к Лее.
Чёрная линия в ладони обожгла кожу.
Лицо сестры исчезло.
Не потускнело.
Не стало неясным.
Просто перестало существовать.
Мира знала, что у неё была младшая сестра. Помнила имя, возраст, профессию. Но за именем больше не находилось человека.
Как за дверью пустой комнаты.
В четырнадцать лет Мира уже видела такой взгляд.
Мать сидела у окна, пока две дочери стояли перед ней. Она вежливо спрашивала, кто они и почему плачут.
Мира тогда думала, что хуже смерти ничего быть не может.
Потом поняла: может.
— Верните её, — сказала она.
Никто не двинулся.
— Мира, идите к центру, — приказал Дориан.
Она не могла.
Ноги перестали слушаться.
Кай рванулся вперёд. Цепь натянулась.
— Вы сами должны сделать шаг.
Мира смотрела на него.
— Я не помню её.
— Помните.
— Нет.
— Помните, что искали её четыре года.

— Это факт.

— Тогда держитесь за факт.

Его голос изменился. Исчезла насмешка.

— Вы пришли сегодня в Архив и нашли чужое украденное воспоминание. Вы спорили с наставницей. Когда началось нападение, вы вернулись за пластиной, хотя могли уйти. Вы делаете это не ради закона.

— Откуда вы знаете?

— Потому что закон не ставит на стол лишнюю чашку.

Мира перестала дышать.

— Какую чашку?

Кай закрыл глаза, словно произнёс больше, чем имел право.

По его шее прошла белая линия.

— Сделайте шаг, — выговорил он. — Сейчас.

Мира шагнула вперёд.

Лицо Леи вернулось не сразу.

Сначала ямочка на правой щеке.

Потом серые глаза.

Потом раздражённая складка между бровями, когда сестра читала что-то очевидно написанное глупцом.

Мира сделала ещё два шага и остановилась напротив Кая.

Её трясло.

Кай стоял, опустив голову. Из носа у него текла кровь.

— Вы знали о чашке, — сказала Мира.

— Я много чего знаю.

— Лея всегда ставила лишнюю чашку после того, как мать перестала нас помнить.

Он молчал.

— Она рассказывала вам.

Кай поднял глаза.

— Вы получили то, что хотели от измерения?

Мира повернулась к Исаре.

— Шесть шагов уничтожают образ человека за несколько секунд. Дальнейшие проверки закончены.

— Мы найдём способ изолировать воздействие, — сказала Исара.

— До этого времени он останется рядом.

— В одной камере?

— В соседних помещениях, если расстояние не превышает трёх шагов.

— Мира, вы не можете участвовать в расследовании, будучи связанной с подозреваемым.

— Тогда назначьте другого старшего хранителя.

— Речь не о должности.

— Именно о ней. Потому что всё остальное — моё решение.

Исара посмотрела на неё долго и тяжело.

— Вы не понимаете, чем он опасен.

— Тогда расскажите.

— Я не могу раскрывать материалы его первого дела.

— Я имею высший допуск.

— Не к этому делу.

Кай тихо рассмеялся.

— Поразительное учреждение. Здесь даже хранителям не доверяют память.

Исара отвернулась.

Дориан приказал доставить их в следственный корпус.

Для перевозки использовали закрытую карету. Кая посадили у дальней стены, цепь закрепили в полу. Мира заняла место напротив. Между их коленями оставалось меньше шага.

За окном проплывал повреждённый город.

На площади перед Архивом собирались люди. Они смотрели на дым над куполом, на королевских гвардейцев и на белые нити тумана, просачивавшиеся между зданиями.

У одной женщины из рук выпала корзина.

Она стояла посреди мостовой и растерянно оглядывалась, будто забыла, куда шла.

Её спутник взял её за плечо.

Женщина отпрянула.

Мира проводила их взглядом.

— Контур уже повреждён? — спросила она.

Кай тоже смотрел в окно.

— Возможно.

— Что произойдёт, если Первая клятва перестанет удерживать память?

— Вы хранительница. Разве вам не рассказывали?

— Мне рассказывали, что Белое море проникнет в город.

— Это следствие.

— А причина?

Кай повернулся к ней.

— Архив слишком долго убеждал Лиор, что память принадлежит стеклу.

— Она питает защиту.

— Вам так сказали.

— Я видела расчёты.

— Составленные Архивом.

— Вы предлагаете доверять человеку, осуждённому за уничтожение хранилища?

— Нет.

Он чуть поднял связанные руки.

— Я вообще не рекомендую доверять людям, которые не могут уйти от вас дальше чем на три шага.

Карета остановилась.

Дориан открыл дверь.

— Прибыли.

В западном корпусе для них подготовили две камеры, расположенные по разные стороны узкого коридора. Между решётками было около четырёх шагов.

Мира остановилась на пороге.

— Слишком далеко.

— Мы поставим кровати ближе к дверям, — сказал Дориан.

— Расстояние между нами должно быть меньше трёх шагов постоянно. В том числе во сне.

— Одну решётку можно снять.

Кай оглядел камеры.

— Или поселите нас вместе. Я постараюсь вести себя безупречно.

— Вы будете прикованы к стене, — сказал Дориан.

— Тогда особенно легко.

Мира устало прикрыла глаза.

— Снимите дверь с левой камеры. Между помещениями оставьте решётку. Его цепь закрепить так, чтобы он не мог дотянуться до меня.

— Вы уверены?

— Нет. Но другого безопасного варианта пока нет.

Дориан отдал приказ.

Кая отвели к стене. Гвардейцы закрепили цепь в нижнем кольце и проверили замок.

Мира осталась в соседней камере.

Лекарь обработал порез у неё на виске, осмотрел ладонь и велел не касаться чёрной линии.

— Если появятся чужие воспоминания, сразу сообщите.

— Они уже появились.

— Какие?

— Детство, которое мне не принадлежало. Женщина с ребёнком. Дом зимой.

Лекарь записал ответы.

— Эмоции сохранились?

Мира вспомнила тяжесть младенца на руках.

Не своего.

И всё же вместе с воспоминанием пришло ощущение такой любви, что на мгновение стало трудно говорить.

— Да.

— Это опаснее образов. Чужое чувство может закрепиться и изменить собственные связи.

— Я знаю.

— Знать и пережить — разные вещи.

После его ухода в коридоре стало тихо.

Кай сидел у стены, вытянув ноги. Связанные руки лежали на коленях. На губе засохла кровь.

— Почему вы помогли той женщине? — спросила Мира.

— Какой?

— Под балкой.

— Она мешала пройти.

— И Эрен?

— Тоже.

— Вы всегда отвечаете так?

— Только когда правдивый ответ может быть использован против меня.

Мира подошла к решётке.

— Вы знали Лею после налёта.

Кай не шевельнулся.

— Вы видели её с короткими волосами. Она рассказывала вам о нашей матери и о лишней чашке.

Метка под его одеждой снова засветилась.

— Не надо, — сказал он.

— Она жива?

Кай закрыл глаза.

— Я не могу ответить.

— Не хотите.

— Не могу.

— Клятва запрещает?

Его пальцы сжались.

— Кто был свидетелем?

Молчание.

— Лея?

Кай резко вдохнул. Белая линия дошла до шеи.

Мира отступила.

Свет погас.

— Значит, она связала вас клятвой.

Он открыл глаза.

В них не было ни просьбы, ни облегчения.

Только предупреждение.

— Ещё несколько таких вопросов, и вы можете получить ответ ценой воспоминания, которое уже не вернётся.

— Вашего или её?

— Вы по-прежнему думаете, что это разные вещи.

Прежде чем Мира успела продолжить, в корпус вошёл Дориан.

В руках он держал чёрный конверт с королевской печатью.

— Появились новые обстоятельства.

— Нашли нападавших? — спросила Мира.

— Троих. Один умер до допроса. Двое не помнят ни собственных имён, ни того, как оказались в Архиве.

— Белые стержни?

— Изготовлены из памяти государственных заключённых.

Кай поднял голову.

— Официальная маркировка?

— Удалена.

— Но вы её нашли.

Дориан не ответил.

Мира посмотрела на конверт.

— Что требует королева?

Он сломал печать.

— До заката доставить во дворец старшую хранительницу Миру Эйвен и государственного преступника Кая Ардена. Вместе.

— Для допроса?

— Нет.

Дориан прочитал последнюю строку ещё раз, словно надеялся, что смысл изменится.

— Королева поручает вам восстановить Первую клятву.

Кай прислонился затылком к стене.

— Вот теперь, — сказал он, — у нас действительно неприятности.

Глава 4. Договор без обещаний

Дворец встретил их запахом мокрого камня и горячего воска.

На главной лестнице уже меняли белые свечи: после нападения на Архив огонь во всех государственных зданиях горел вдвое ярче. Считалось, что свет удерживает человека в настоящем. Мира никогда не находила этому подтверждения, но сейчас служители зажигали даже маленькие лампы в нишах, где прежде стояли только статуи.

По дороге из западного корпуса Кая снова заковали. Цепь соединяла его запястья с поясом гвардейца. Миру не ограничивали, однако Дориан шёл так близко, будто ожидал, что она в любую минуту попытается бежать вместе с заключённым.

Это было бы нелепо.

Она пока не собиралась бежать.

— Когда мы войдём, — тихо сказал Дориан, — не спорьте с королевой.

— Тогда ей следовало вызвать кого-нибудь другого.

— Мира.

— Вы уже предупреждали меня не спорить с Исарой, не проверять чужие дела и не возвращаться за пластиной. Сегодня ваши советы показывают посредственную точность.

Кай, шедший по другую сторону, негромко произнёс:

— Я бы оценил их как устойчиво отрицательные.

Дориан бросил на него взгляд.

— А вас я не предупреждаю. В случае неосторожного движения гвардеец просто выстрелит.

— Наконец-то ясная процедура.

Они остановились перед дверями Зала немых свидетелей.

Название осталось с тех времён, когда королевские разбирательства записывали не люди, а стеклянные фигуры. Двенадцать чёрных статуй стояли вдоль стен и сохраняли каждое слово, сказанное в зале. Позднее выяснилось, что они не только записывали услышанное, но и забирали у говорящих малые воспоминания: запах дома, вкус первой ягоды, имя учителя. Фигуры отключили, однако не убрали. При дворе любили оставлять опасные вещи на виду, если они выглядели достаточно величественно.

Двери открылись.

Королева Серин сидела за длинным столом без герба и украшений. Справа от неё находилась Исара, слева — начальник городской защиты генерал Маррон. На столе лежали карта Лиора, три белых стержня и осколок маски нападавшего.

За окнами город уже окутывал вечерний дождь.

— Снимите с него кольцо, — сказала Серин.

Дориан нахмурился.

— Ваше величество, Арден обучен работе с государственными клятвами.

— Именно поэтому подавляющее устройство может войти в резонанс с осколком. Снимите.

Гвардеец открыл замок на шее Кая. Тот потёр покрасневшую кожу, но не поблагодарил.

— Цепи оставить, — добавила королева.

— А я уже начал верить в гостеприимство, — сказал Кай.

Мира ожидала, что Серин оборвёт его. Королева лишь указала на два стула рядом.

Стулья стояли слишком далеко друг от друга.

Мира передвинула один, поставив рядом с Каем. Деревянные ножки громко прошли по мрамору. Генерал Маррон поднял брови. Исара смотрела прямо перед собой.

— Доклад, — сказала Серин.

Дориан перечислил известные факты: двенадцать погибших, тридцать восемь раненых, трое задержанных нападавших, двое из которых лишены личности. Белые стержни изготовлены из памяти заключённых центральной тюрьмы. Маркировка удалена, но в одном из сердечников сохранился номер королевской партии.

Генерал Маррон положил ладонь на стол.

— Оружие украли месяц назад.

— О краже не сообщалось, — заметила Мира.

— Сведения были засекречены.

— От Архива?

— От всех, кому они не требовались.

— Как показал сегодняшний день, требовались.

— Старшая хранительница, — произнесла Исара.

Мира посмотрела на наставницу.

— Я только уточняю последовательность ошибок.

Кай повернул голову, скрывая улыбку.

Серин коснулась пальцем карты.

На ней красными чернилами были отмечены участки, куда проник Белый туман. Три линии тянулись от Архива к восточным каналам. Четвёртая достигала жилого квартала возле старого вокзала.

— За семь часов зарегистрировано сто девятнадцать временных потерь памяти, — сказала королева. — Восемь человек забыли дорогу домой. Трое не узнали супругов. Один машинист забыл устройство тормозов перед въездом на станцию.

— Контуры можно восстановить резервными пластинами, — сказала Исара.

— На сколько?

— При текущей скорости утечки — на двадцать восемь дней.

— До новолуния, — тихо произнёс Кай.

Серин перевела на него взгляд.

— Почему именно до новолуния?

— Потому что в эту ночь Белое море подойдёт к стенам ближе всего. Если защитный рисунок останется повреждённым, туман войдёт через все старые ворота одновременно.

— Это закрытые расчёты.

— Расчёты закрыты. Туман — нет.

Маррон положил перед собой один из белых стержней.

— Вы знали о предстоящем повреждении?

— Я знал, что хранилище переполнено.

— Откуда?

Кай посмотрел на Миру. Не за помощью — скорее проверяя, насколько далеко можно зайти, не задев другую клятву.

— Потому что четыре года назад видел трещину, которую вы залили чужой памятью вместо ремонта.

Исара выпрямилась.

— Вы участвовали в том повреждении.

— Да.

Мира повернула голову.

Кай впервые признал это без уклончивости.

— При каких обстоятельствах? — спросила она.

Белая метка под его воротом вспыхнула.

Он медленно выдохнул.

— При обстоятельствах, которые госпожа Пелл предпочитает хранить за допуском выше вашего.

— Достаточно, — сказала Серин.

— Нет, — ответила Мира. — Не достаточно. Вы поручаете нам восстановить реликвию, но скрываете причины предыдущего повреждения.

— Я поручаю вам найти способ снять связь и установить организаторов нападения. Восстановление Первой клятвы станет следствием.

— А если организаторы находятся среди тех, кто сидит в этом зале?

Генерал Маррон резко поднялся.

Кай тихо сказал:

— Вот теперь мне начинает нравиться дворец.

Королева не изменилась в лице.

— Сядьте, генерал.

Маррон подчинился.

— У вас есть доказательства, хранильница Эйвен?

— Есть незаконная пластина. Есть украденное государственное оружие, о котором Архив не уведомили. Есть двое людей, чьи личности полностью извлечены, хотя официально такая процедура не применяется. И есть трещина, существование которой от меня скрывали четыре года.

Исара произнесла:

— Вы делаете выводы под воздействием чужой памяти.

— Тогда проверьте мои выводы по документам.

Серин некоторое время смотрела на Миру. В этом взгляде не было гнева. Хуже — там была оценка полезности.

— Дело Эллы Рейн передадут вам, — сказала королева. — Вместе со всеми регистрами соответствующей партии.

Исара повернулась к ней:

— Ваше величество—

— Мы больше не можем позволить себе роскошь незначительных тайн.

Кай откинулся на спинку стула.

— Какая трогательная перемена государственной политики.

— Не путайте необходимость с раскаянием, Арден.

— Я давно не путаю.

Серин положила на стол чистый лист.

— Вы двое будете работать вместе. Хранильница Эйвен получает временный доступ к закрытым секторам, право допроса и сопровождение дознания. Арден получает отсрочку исполнения всех приговоров на двадцать восемь дней и ограниченную свободу передвижения под надзором.

— Нет, — сказал Кай.

Мира посмотрела на него.

— Вы предпочитаете камеру?

— Я предпочитаю не подписывать государственную клятву.

— Без неё вас не выпустят.

— Тогда вы будете жить в камере рядом со мной. Думаю, через неделю мы станем ближе.

— Не переоценивайте воздействие замкнутого пространства.

Серин подвинула к ним лист.

— Это не клятва. Обычный договор.

Кай не прикоснулся к бумаге.

— Свидетель?

- Дориан Вейл.
- Стекло?
- Не используется.
- Магическая ответственность?
- Отсутствует.
- Тогда зачем договор?
- Чтобы определить, что каждый из вас считает допустимым, когда нарушение не отнимает память.

Кай впервые посмотрел на королеву с чем-то похожим на интерес.

Мира взяла лист.

Условия были сформулированы точно. Они обязаны сообщать друг другу сведения, относящиеся к нападению и связи; не предпринимать действий, способных намеренно увеличить расстояние; не покидать пределы города; не касаться Первой клятвы без согласия обоих. Кай не должен причинять вред Мира и сопровождающим. Мира не должна использовать должность для принудительного чтения его памяти.

Внизу оставалось место для дополнений.

Она взяла перо.

— Доступ к личному делу Кая Ардена.

Исара сказала:

— Исключено.

— Тогда я не подписываю.

— Вы не можете ставить условия.

— Я только что прочла документ, построенный из условий.

Кай наклонился к ней.

— Добавьте запрет на передачу друг друга третьим лицам без согласия.

— Вы опасаетесь, что я продам вас на рынке?

— Опасаюсь, что вы снова назовёте чужую клетку защитой.

Она встретила его взгляд.

На мгновение между ними снова возник тот двор, шестой шаг и пустота вместо лица Леи.

Мира написала:

Ни одна сторона не передаёт другую под действие новой клятвы, процедуры извлечения или изоляции без прямого согласия.

— Подпишите это, — сказала она.

Кай прочитал.

— Вы забыли исключение при непосредственной угрозе жизни.

— Намеренно.

— Тогда вы хотите, чтобы я спрашивал разрешения, пока на вас падает потолок?

— Если потолок уже падает, действуйте. Если вы только решили, что мне будет безопаснее под ним, сначала спросите.

Он взял перо связанными руками. Подпись вышла угловатой.

— Я не обещаю соблюдать этот договор, — сказал Кай.

— Тогда зачем подписываете?

— Чтобы вы знали, за что именно сможете ударить меня стулом.

Мира поставила свою подпись.

Дориан расписался как свидетель.

Серин забрала лист.

— Теперь скажите, зачем вы пришли в Архив.

Кай посмотрел на чёрные статуи вдоль стен.

— За исходной записью Первой клятвы.

Исара произнесла слишком быстро:

— Такой записи не существует.

Мира услышала это.

Кай тоже.

— Тогда кто-то приложил значительные усилия, чтобы украсть несуществующую вещь, — сказал он.

— Нападавшие пытались разрушить кольцо, — возразил Маррон.

— Нет. Они били по креплениям, но не по центральному слою. Они хотели отделить позднюю оболочку от исходного стекла.

— Вы видели это во время боя?

— Я пришёл за тем же.

Мира почувствовала, как под кожей в ладони двинулся осколок.

— Он внутри нас, — сказала она.

Кай кивнул.

— Часть.

— Слова, которые появились перед связью, принадлежали исходной записи?

— Возможно.

— «Пока не будет названа правда, двое понесут память друг друга».

Серин побледнела едва заметно. Мира увидела это только потому, что смотрела на неё.

— Вы знаете эту фразу, — сказала она.

— Я знаю множество старых формулировок.

— Этой нет в открытом тексте.

— Поэтому он называется открытым, а не полным.

Кай усмехнулся без веселья.

— Роскошь незначительных тайн закончилась быстро.

Королева проигнорировала его.

— У вас есть след?

— Есть люди, которых Архив считает моими жертвами.

— Люди без имён, — сказал Дориан.

— Некоторых вы называете так.

— Вы стирали их записи.

— По их просьбе.

Мира почувствовала знакомое возмущение.

— Человек не может дать осознанное согласие на уничтожение собственной личности.

— Снова решаете за них?

— Я говорю о последствиях.

— Вы их не видели.

— Видела тех, кого извлечение превратило в пустую оболочку.

— А тех, кого клятва заставляла возвращаться к человеку, ломавшему им кости, видели?

Мира замолчала.

Кай продолжил уже спокойнее:

— Первый нападавший назвал меня по имени. Он сказал, что хочет того же, что и я. Если кто-то искал исходный текст, он мог обращаться к людям, которые умеют жить вне центрального регистра.

— Где они? — спросила Серин.

— Под часовней святой Улайи.

Генерал Маррон встал.

— Там нет жилых помещений.

— На ваших картах много чего нет.

— Я направлю отряд.

— Тогда вы найдёте пустые комнаты. Возможно, несколько тел, если вашим людям особенно повезёт.

— Что вы предлагаете?

— Я пойду с хранительницей. Без формы, без гвардейцев в пределах видимости.

Дориан сказал:

— Исключено.

Мира посмотрела на Кая.

— Они впустят меня?

— Нет.

— Тогда зачем вести?

— Потому что одному мне они не поверят, что Архив впервые хочет услышать ответ.

— Архив хочет восстановить реликвию.

— А вы?

Вопрос прозвучал тихо.

Мира вспомнила пластину Эллы Рейн, мёртвого свидетеля и чужого ребёнка в своих руках.

— Я хочу понять, кому принадлежала память, которой сегодня кормили защиту.

Кай посмотрел на неё чуть дольше, чем требовал ответ.

Серин закрыла папку.

— У вас двадцать четыре часа. Дориан будет сопровождать вас до площади, затем останется снаружи. Если связь усилится или вы попытаетесь скрыться, Арден, отсрочка прекращается.

— Это угроза без магии?

— Это обещание, которое я исполню сама.

Кай поднялся. Цепь звякнула.

— Вот поэтому я и не доверяю людям, которые охотно обещают.

У дверей Мира остановилась.

— Ваше величество.

Серин подняла взгляд.

— Почему исходная фраза говорит о правде, если задача клятвы — защита города?

Королева посмотрела на чёрные статуи.

— Возможно, — сказала она, — потому что город уже тогда знал: ложь всегда требует больше памяти, чем правда.

Это прозвучало как ответ.

Но Мира заметила, что Серин так и не сказала, чья ложь расколола стекло.

Глава 5. Дом без имён

Часовня святой Улайи стояла в квартале, которого не существовало на картах.

Официально за восточным каналом находились склады королевской соли и две заброшенные красильни. В действительности между ними теснились дома, надстроенные друг над другом без разрешений, имён улиц и одинаковых окон. Балконы соединяли здания верёвочными мостиками. На крышах сушилось бельё. Внизу пахло углём, рыбой и мокрой шерстью.

На первом перекрёстке Дориан остановил карету.

— Дальше пешком, — сказал Кай.

Гвардеец снял с его запястий тяжёлую цепь и заменил её короткими наручниками, закрытыми под рукавами плаща. На шею Каю надели тонкую метку слежения. Он позволил это сделать без спора, что насторожило Миру сильнее сопротивления.

— Метка перестанет работать за каналом, — сказал он, когда Дориан проверил замок.

— Она работает во всём городе.

— В том городе, который вы нанесли на карту.

Дориан посмотрел на Миру.

— Через четыре часа вы возвращаетесь сюда.

— Если расследование не завершится?

— Возвращаетесь всё равно.

— Это противоречит поручению королевы.

— Королева поручила мне сохранить вас живой.

Кай наклонился к Мире:

— Кажется, сегодня все особенно заботливы.

— Вы можете идти первым и проверить, насколько район безопасен.

— А вы за мной на расстоянии трёх шагов. Удобно.

Дориан перехватил её взгляд.

— Не доверяйте ему только потому, что он несколько раз сказал правду.

— Я не доверяю и тем, кто лгал мне годами.

Он понял, о ком она, но не ответил.

Мира и Кай прошли под каменной аркой. За спиной остались двое дознавателей в гражданской одежде. Кай заметил их, ничего не сказал и свернул в первый же проход.

Через пять минут Мира перестала понимать, в какой стороне канал.

— Вы намеренно водите нас кругами?

— Да.

— Зачем говорить об этом?

— Чтобы вы не приняли потерю направления за повреждение памяти.

— Удивительная предусмотрительность.

— Я стараюсь различать обман и жестокость.

Он шёл быстро, но каждый раз замедлялся у ступеней, давая Мире удерживать расстояние. Это было почти незаметно. Он не оглядывался и не предлагал руку, даже когда им пришлось пересечь узкий настил над тёмной водой.

Мира заметила всё.

У входа в старую красильню Кай постучал: дважды, пауза, ещё три раза.

Дверь открыл мальчик лет двенадцати.

У него не было левого уха, а на шее тянулся рубец извлечения.

Он увидел Миру и сразу попытался захлопнуть дверь.

Кай поставил ногу в проём.

— Рен, позови Тому.

— Нет здесь Тома.
— Тогда позови человека, которого здесь нет.
Мальчик посмотрел на наручники под его рукавами.
— Тебя взяли.
— Ненадолго.
— Ты привёл хранительницу.
— Она всё равно пришла бы. Я решил, что стены целее останутся, если открыть дверь.
Мира сказала:
— Я не собираюсь никого задерживать.
Мальчик отступил от неё, будто она угрожала оружием.
— Они всегда так говорят до того, как спрашивают имя.
Кай убрал ногу.
— Передай Томе: разбита Первая клятва. Белое море уже в городе. И кто-то использовал людей без памяти для нападения.
Дверь закрылась.
— Теперь что? — спросила Мира.
— Ждём.
— Четыре часа ограничены.
— Тогда можете постучать служебным способом.
— Не ищите.
Он прислонился к стене. Между ними оставалось два шага.
Изнутри доносились приглушённые голоса. Затем скрежетнули засовы — не один, а пять.
Дверь открылась полностью.
За ней не было помещения.
Вниз уходила лестница.
Мальчик держал фонарь и смотрел на Миру с открытой неприязнью.
— Оружие оставить.
— Нет, — сказала она.
— Тогда уходите.
Кай протянул ему свой нож рукоятку вперёд.
— Её клинок останется. Связь не позволяет вам развести нас, а я предпочту, чтобы у неё было чем отбиваться, если вы решите проверить.
— Ты ей доверяешь?
— Нет.
— Тогда зачем защищаешь?
— У нас договор.
Мальчик фыркнул.
Мира отдала запасной клинок, оставив короткое лезвие в рукаве. Кай заметил движение, но промолчал.
Лестница вывела их под часовню.
Снаружи здание казалось узким и давно заброшенным. Под землёй оно продолжалось на несколько кварталов. Коридоры были проложены в старых водосборниках, стены укреплены древесиной и кирпичом. В нишах горели лампы. За открытыми дверями жили люди.
Не заключённые.
Не потерявшие личность пустые оболочки.
Женщина с бритой головой шила детское пальто. Старик чистил картофель. Двое мужчин спорили над сломанным насосом. Девочка читала вслух мужчине, у которого на лице не осталось выражения, но который улыбался на знакомых словах.
Все замолкали, увидев форму Миры под плащом.

Она чувствовала их взгляды, словно прикосновения к открытой коже.

— Сколько здесь людей? — спросила она.

— Сегодня? — уточнил Кай.

— Они приходят и уходят?

— Иногда.

— Без имён невозможно получить работу, жильё, лечение.

— Зато невозможно заставить вернуться к клятве, которую человек не давал добровольно.

— Это не ответ на вопрос о жизни.

— А вы считаете жизнью только то, что можно зарегистрировать?

В конце коридора их ждал Тома Релл.

Мира узнала его по ориентировке: двадцать три года, тёмная кожа, сломанный нос, шрам от правого виска к уху. На рисунке он выглядел старше. В действительности в нём оставалось что-то мальчишеское — не мягкость, а слишком быстрые движения человека, который всё время готовится удариť первым.

— Ты обещал не приводить их сюда, — сказал он Каю.

— Нет. Я сказал, что постараюсь.

— Для меня это было обещанием.

— Поэтому я выбираю слова сам.

Тома посмотрел на Миру.

— А она понимает разницу?

— Когда-нибудь.

— Я стою здесь, — сказала Мира. — Можете говорить со мной.

— У хранителей это временно. Обычно они говорят через стекло.

— Я расследую нападение, в котором использовали людей с полностью извлечённой памятью.

— И решили начать с тех, кому ваш Архив не успел вычистить головы?

— Кай сказал, что нападавшие могли обращаться к вам.

Тома резко повернулся к нему.

— Никто не приходил.

— Значит, приходил, — сказал Кай.

— Уходи.

— Тома.

— Ты привёл сюда ту, из-за которой всё началось.

Коридор будто стал уже.

Мира не сразу поняла смысл.

— Что именно началось из-за меня?

Тома сделал шаг вперёд. Кай встал между ними.

— Не сейчас.

— Четыре года не сейчас? — Тома показал на Миру. — Её знак был на двери. Её код привёл исполнителей. А она ходит по Архиву и делает вид, что ищет сестру.

Мира почувствовала боль в старом шраме.

— Я не была в этом месте четыре года назад.

— Не здесь. В доме на Тихой улице.

— Там нашли убежище Леи?

Тома рассмеялся.

— Она правда ничего не помнит?

Кай не ответил.

— Что вы видели? — спросила Мира.

— Твой допуск на двери за десять минут до штурма. Код старшей хранительницы. Потом пришли люди Исары.

— Чужой код можно подделать.

— Конечно. Особенно когда нужно снова считать себя хорошей.

Мира шагнула к нему.

Кай поднял связанную руку, преграждая путь.

— Уберите.

— Вы хотите ответ или драку?

— Сначала ответ.

— Тогда не позволяйте ему выбрать второе.

Тома смотрел на неё с ненавистью, которая не была сыграна. Он верил каждому слову.

Мира могла потребовать доказательства. Могла назвать его обвинение попыткой отвлечь следствие. Вместо этого спросила:

— Вы сохранили дверь?

Тома моргнул.

— Что?

— Или пластину допуска. Любой предмет с записью кода.

— После пожара остался кусок рамы.

— Я хочу его увидеть.

— Нет.

— Если мой код использовали, я смогу установить способ подделки.

— А если не подделывали?

Мира выдержала его взгляд.

— Тогда я узнаю это.

Тома посмотрел на Кая.

Тот сказал:

— Покажи.

— Ты на её стороне?

— Я на стороне ответа, который переживёт проверку.

Тома развернулся.

— Сначала вы увидите людей, которых якобы спасали от самих себя. Потом решу.

Он провёл их через Дом без имён.

В первой комнате жили женщины, разорвавшие брачные клятвы. Одна из них, Инна, сказала Мире, что муж заставил её при свидетеле обещать никогда не покидать дом. После каждого побега стекло забирало память о дочери. На третий раз она перестала узнавать девочку, но продолжала бояться мужа.

Кай вывел обеих из регистра. Дочь помнила мать. Мать знала, что должна любить ребёнка, но чувство возвращалось медленно — через привычки, запах волос, ночные разговоры.

— Вы согласились на развязывание имени? — спросила Мира.

Инна посмотрела на неё как на человека, задавшего вопрос не на том языке.

— Я согласилась не возвращаться.

— Вам объяснили, что знакомые могут вас забыть?

— Все, кого я хотела сохранить, уже забывали меня по частям.

Во второй комнате работал человек, утративший память о профессии. Его долг перенесли на клятву старого чиновника, который обещал не брать взятки. Чиновник продолжал занимать должность. Мужчина учился заново держать столярный инструмент.

— Имя чиновника? — спросила Мира.

— В деле его нет, — ответил Тома. — Есть только номер партии.

Он назвал цифры.

Они совпадали с номером пластин Эллы Рейн.

Мира записала их.

— Сколько таких дел?

— У нас — сорок три. В городе — тысячи.

— Это невозможно скрыть.

— Вы только сегодня заметили одну женщину.

Слова попали точнее, чем Тома, вероятно, рассчитывал.

Мира не стала защищаться.

В общей комнате стоял длинный стол. На нём были расставлены разномастные чашки. Некоторые люди ставили перед собой две, хотя сидели одни.

Мира остановилась у белой чашки с синими птицами.

Точно такая стояла у них дома.

Лея купила пару на рынке, когда получила первую плату за работу в лаборатории. Одну разбила через неделю, но вторую берегла и использовала только по утрам.

На краю была та же маленькая трещина.

Мира взяла чашку.

— Чья она?

Тома замер.

Кай не посмотрел на чашку. Это выдало его сильнее любого движения.

— Здесь вещи никому не принадлежат, — сказал Тома.

— Неправда. Даже люди без имён различают своё и чужое.

— Оставь.

— Лея была здесь.

Клятвенная метка Кая вспыхнула под одеждой.

Он опёрся ладонью о стол.

Мира поставила чашку, но не отвела взгляда.

— После штурма?

— Не произносите вопросы, которые его убивают, — сказал Тома.

— Тогда ответьте вы.

— Я никому не давал клятвы защищать вашу сестру.

— Значит, можете говорить.

Тома сжал челюсти.

— Она пришла сюда сама.

Кай резко поднял голову.

— Тома.

— Что? Ты столько лет принимаешь всю ненависть на себя, а она даже не знает, кого ненавидеть.

Белая линия на груди Кая стала ярче. Он ударил кулаком по столу.

— Замолчи.

— Лея пришла сама, — повторил Тома, глядя на Миру. — Никто не тащил её. Никто не держал. Она знала, что делает.

— Где она потом оказалась?

— Этого я не знаю.

— Лжёте.

— Нет. Кай увёл её через нижний канал. Вернулся один.

Мира посмотрела на Кая.

Он стоял, прижав ладонь к груди. Кровь проступила сквозь рубашку там, где проходила клятвенная метка.

— Вы увели её.

— Да, — сказал он.

Одно слово не нарушало запрета.

— Куда?

Он молчал.

— Она просила вас?

Боль согнула его.

Тома подхватил Кая под плечо.

— Довольно.

Мира отступила, чувствуя одновременно вину и ярость.

— Я имею право знать.

Кай поднял голову.

— Нет.

Его голос был слабым, но отчётливым.

— Она моя сестра.

— Это не делает её вашей собственностью.

— Я четыре года не знаю, жива ли она.

— И всё равно ваше страдание не отменяет её права уйти.

Мира ударила его.

Ладонь встретила скулу. Звук в тихой комнате оказался слишком громким.

Кай не отшатнулся. Только медленно повернул лицо обратно.

Тома рванулся к ней, но Кай остановил его рукой.

Мира смотрела на красный след на его коже.

Она ждала ответного движения, оскорбления, хотя бы насмешки.

Кай сказал:

— Теперь вы знаете, как звучит ваш ответ, когда человек выбирает не то, что вы приготовили для него.

Мира опустила руку.

В дальнем коридоре ударил колокол.

Не церковный — короткий металлический сигнал тревоги.

Мальчик Рен вбежал в комнату.

— Северный вход открыт. Люди с белыми стержнями.

— Сколько? — спросил Кай.

— Не знаю. Они не спрашивают имён.

Тома схватил со стены короткое копье.

— Ты привёл их.

— За нами следили до площади, — сказала Мира. — Дориан остался снаружи.

— Значит, его люди.

— Если бы корона хотела войти, здесь было бы двадцать гвардейцев, а не очищенные нападавшие.

Кай перевернул стол и ударил наручниками о металлический край. Замок треснул со второго удара.

Мира посмотрела на него.

— Вы могли снять их всё это время?

— Я ждал подходящего момента.

— Наш договор запрещает побег.

— Я не убегаю. Я веду вас к выходу.

Из коридора донёсся крик.

Кай взял у Тома нож.

— Уводи людей к нижнему каналу. Рен — с ним. Никто не идёт к западному входу.

— А ты?

— Закрою проход.

Мира достала спрятанный клинок.

— Я останусь.

— Нет.

— Вы не можете отойти дальше трёх шагов.

— Именно поэтому вы идёте к каналу вместе со мной.

— Там дети.

— И они будут двигаться быстрее, если не увидят, как хранительница спорит посреди нападения.

Тома посмотрел на неё.

— Выбирай. Поможешь или снова решишь, что лучше вызвать исполнителей?

Старый шрам на запястье обжёг кожу.

Мира не знала, почему его слова причинили физическую боль.

— Показывайте путь, — сказала она.

Они покинули общую комнату последними.

На столе осталась белая чашка с синими птицами.

Перед тем как дверь закрылась, Мира увидела, что рядом с ней кто-то всегда ставил вторую.

Глава 6. Голос в тумане

Нижний канал был построен раньше Лиора.

Кай не знал, кто проложил его под городом. Стены состояли из камня, который не встречался ни в одном карьере, а вода текла против уклона, направляясь к Белому морю. Старые исполнители использовали канал для перевозки опасных пластин. Позднее входы замуровали, и официально он исчез.

Люди без имён сделали его дорогой.

По узкому берегу двигались почти сорок человек. Тома шёл впереди с фонарём. Рен вёл за руку женщину, не помнившую собственного возраста. Кто-то нёс младенца, кто-то ящик лекарств. Никто не задавал вопросов, куда они идут. В Доме без имён умение уходить без объяснений считалось необходимым навыком.

Мира шла рядом с Каем.

После удара на его скуле темнел след. Она смотрела вперёд, однако чувствовала его присутствие так же отчётливо, как чёрную линию в ладони.

Он мог бы упрекнуть её.

Не делал этого.

Это было хуже.

— Северный проход соединяется с архивными тоннелями? — спросила она.

— Нет.

— Тогда откуда нападавшие узнали вход?

— Кто-то из дома мог говорить.

Тома оглянулся.

— Никто не говорил.

— Ты не можешь знать.

— Я знаю каждого.

— Люди без имён особенно удобны для шантажа. Нельзя угрожать документами, зато можно угрожать теми, кто ещё помнит их.

— Ты всегда подозреваешь своих?

— Я всегда допускаю, что страх сильнее принадлежности.

Мира сказала:

— У нападавших не было памяти. Их могли провести с помощью чужой записи маршрута.

Кай посмотрел на неё.

— Как пластину-навык?

— Да. Если извлечь у человека знание дороги и ввести другому, он пройдёт её, не понимая, откуда знает повороты.

— Архив утверждает, что навыки нельзя переносить без искажений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.